

Дмитрий СТРЕШНЕВ

ПОСЛЕДНИЕ СКАЗКИ СОВЕТСКОЙ ПОРЫ

1. ШАХМАТЫ

Иван Петрович Пешако работал в одном НИИ... кажется, НИИМЕХШУХ... или, по-стойте: НИИШАХМЕХ?... Впрочем, важно ли? Мало ли разных НИИ в нашем городе. А уж во всей стране!.. И звали-то нашего героя — вот незадача! — звали, кажется, вовсе не Иван Иванович, а Петр Степанович... или... ну точно! — Николай Петрович, ей-богу — Николай Петрович, как я мог забыть! Каждый день поутру, кроме суббот и воскресений, Николай Петрович добросовестно приезжал в свой упомянутый НИИ точно к 9.00... конечно, бывало, что и опаздывал — автобусы, сами знаете, как ходят — поднимался к себе на третий этаж в сектор этого... как его... в общем, неважно. А лифт, высадив его, уносился выше, где были другие сектора и отделы, и еще выше, где уже не было отделов, а мерцали в не знающих толкучки коридорах таблички на дверях и приглушенно ворковали в телефон секретарши.

Иван Петрович... — извините великодушно! — Николай Петрович любил, когда текущие дела забрасывали его на эти покрытые коврами этажи. Он и сам не мог объяснить, почему его непременно охватывало вдруг в приглушенных коридорах некоторое возвышенное чувство. К тому же, останавливаясь перед мерцающими на дверях табличками, он любил иногда (просто так, конечно) представить: что если на одной из них была бы впечатана на меди его фамилия: «Н.Н.Пешако»? Бывало, он даже представлял, зажмурясь, своих сослуживцев, заглядывающих в приемную и трепетно спрашивающих секретаршу: «Как Николай Петрович — занят?..» Многие, может быть, усмехнутся, услышав об этом ребячестве, но я спешу оговориться, что Николай Петрович Пешако и сам в конце концов усмехался и шел себе дальше по делам с пухлой папкой подмышкой, поскольку человек он был неглупый и мыслящий весьма трезво.

Пить чай Пешако ходил к Запехотину в сектор Ц. А у вас в учреждении чай разве не пьют? Ну, вот видите!.. Стало быть, Николай Петрович ходил пить чай к Запехотину. Или его фамилия была Запешкин? Запечкин? В общем, незаметный кто-то, невзрачный.

Кстати, вспомнил, в каком секторе и наш Николай Петрович работал: сектор Е, комната 2. Но это к слову.

В тот день совсем уж собрался он к Запешкину (или: Запечкину?), уже приготовил стакан с подстаканником «20 лет ВДНХ», как зазвонил-запел телефон, а в телефоне — сам Пал Иваныч Конякин, заводделом.

— Пешако? Заскочи...

Пешако это «заскочи» не нравилось. Сам он привык дела продвигать обстоятельно и всю несерьезность Конякина видел. Уж больно резов тот был, через головы так и норовил сигать да при этом выражался таким образом: мол, проскочим, раз, два и — в сторону. Пешако шараханья такого не понимал и не одобрял.

Конякин, по обыкновению своему, в кабинете метался туда-сюда.

— Какой у нас месяц — помнишь?

Пешако — человек маленький — головы высоко не задира, глядел в корень.

— Помню. Конец квартала.

— То-то!

И выяснилось: проект пора сдавать, заказчик проектом недоволен и, между прочим, не зря недоволен. Но это между нами.

— Сегодня заказчик представителя пришлет. От сектора Ф будет Офицеров, от нашего Ферязин решил тебя выставить. Я ему намекнул: некрасиво, мол... уровень... А он: Пешако, мол, проходной, — Конякин коротко ржнул. — Сам я, мол, тоже не начальником родился... Демосфеном хочет быть.

– Демократом, Пал Иваныч.

Пешако скромно смотрел, наклонив голову. Голова была круглая, аккуратная.

– Ты уж не подведи, братец, – заключил Конякин. – Защити честь отдела. Ты у нас теперь вроде как фигура центральная...

Представитель заказчика листал проект, тыкал пальцем, морщился.

– Вот тут у вас... И тут... Это вот – совсем даже...

Офицеров из сектора Ф только вздыхал, соглашался:

– Это – да... И это... Тут доделаем... Здесь доработаем.

Все по-белому норовит. Чистюля!

Пешако черное и белое враз перемешал.

– Это так, так и так. Труба отсутствует? Мы же усовершенствовали!.. Фундамент слабоват? Расчеты показывают... к тому же экономия, разве не видите?..

По всем статьям претензии к своему отделу отбил, так что представитель заказчика боялся рот раскрыть. Хоть и маясь, подписал проект. А сектору Ф, разумеется, документацию вернули на доработку. Офицеров все вороха назад понес.

Конякин, когда Пешако ему рассказал и подпись продемонстрировал, не усидел, из-за стола выскочил.

– Ты, Пешако, голова! Здорово у тебя получается. Я заскочу к Ферязину – замолвлю про тебя.

Николай Петрович Пешако на эти слова вежливо кивал, хотя догадывался: Ферязину Конякин себя прежде выставит: мол, мой был ход, известный.

Конякин же от восторга так и подпрыгивал.

– Стало быть, квартал закрыли. Теперь и премию можно будет... и соревнование... вымпел... вот сюда повесим!

Пешако вежливо радость разделил. Потом напомнил, что он человек деловой, ненавязчивый:

– Так я пойду, Пал Иваныч?

– Иди, молодец! – напоследок похвалил Конякин.

Только Пешако вышел – на него – животом вперед – наехал Турава, председатель месткома.

– Слушай, мне про тебя тут рассказывали – ты, оказывается, парень с головой.

– Что вы, я так, фигура маленькая, – отмахнулся Николай Петрович.

– Ладно, ладно! Так ты меня прикрой на собрании. Идет?

– На собрании?

– Ага.

Пешако вздохнул.

– Весу у меня мало.

Турава расстроился.

– Как же быть?

– А вы скажите, чтобы проголосовали за меня – в президиум, – предложил Николай Петрович.

– Э... – Турава задумался, потом просиял: – Мы Ладына прижмем, Чернокопытова сразу вытолкнем вперед и тебя продвинем в президиум.

– Не откажусь, – скромно потупился Пешако. – Продвигайте...

– Ну, до встречи!

Турава двинул по коридору дальше, а Николай Петрович Пешако пошел к себе в отдел.

До самого обеда он привычной рукой калькуляции расчерчивал, бумаги нужные приносил и уносил, а в голове между тем себя, Тураву и некоторых других сослуживцев туда-сюда передвигал – прикидывал: если вот этот сюда попадет, а тот туда подвинется – что выйдет? Не первый год, слава богу, Пешако в НИИМЕХШИХ (или – ШАХМЕХ?) тихо и добросовестно трудился, знал: у кого длинный ход, а у кого короткий; кто через других любит прыгать, а кто привык ломить напрямую. И – главное – понимал, что не в нем, скромном и незаметном Николае Петровиче, дело, а в том, как вся партия разложится – тогда и в его судьбе, глядишь, продвижение произойдет.

Партия между тем раскладывалась.

К Тураве в местком заглянул Слоныкин, известный любитель все поперек делать, всем дорогу перебежать, в общем, склочник.

Занегодовал:

– Пешако заказчику проект с недоделками впихнул. Должен местком разобраться или нет?

Турава Слоныкина похлопал по плечу:

– Николай Петрович у нас комплекции не крупной, фигурой особо не вышел, у

него и сил нет — руки заказчику выкручивать. Работник он смиренный, дисциплинированный, побольше бы таких. А если заказчик проект подписал, значит — возражений по нему не имеет.

Так сказал Турава, а сам подумал: «Я тебя за Пешако с потрохами съем, теперь это мой человек».

— Да чихать я хотел на Пешаку, — опять Слоныкин свой склочный характер показал. — Не в Пешаке дело. Пускай живет, прыгает! Мне принцип важен. Если один отдел проект с недоделками сдал, пускай и у других примут без доработки!

С этим, понятно, председатель месткома не согласился и требование Слоныкина гневно отверг. Так тот и удалился, пообещал только нехорошо: ну, мол, ладно, поглядим... там!

Турава на его слова внимания не обратил, поскольку очень торопился: надо было резолюцию собрания успеть согласовать с Ферязиным. А с начальством, как известно, всегда сложно: то занят, то совещание, то из таких сфер позвонят, что трепетно подумать.

Турава на часы поглядел, махнул рукой на лифт и — скоком, скоком — на шестой по лестнице, будто просто какой-нибудь Конякин. И вовремя. Ферязин как раз из кабинета нацелился, ищи его потом, у него пути не зарезервированы.

— Что тебе? Спешу...

— Я мигом, Сан Ваньч. Я резолюцию к собранию — согласовать.

— Ну давай, взгляну...

— Вот... тут и тут... как вы говорили... Здесь — видите? Смягчили, как вы указали, а вот здесь усилили.

Александр Иванович Ферязин поиграл бровями.

— Ты не части. Скажи лучше, кого в местком двигать хочешь?

У Туравы в руке оказался листок.

— Вот я тут... разграфил.

— Хм... — Ферязин задумался, щеки себе погладил, размышляя. — А это, стало быть... Пе...

— Пешако Николай Иванович, из сектора Е.

— А... Помню, помню... Пора выдвигать рядовых, но инициативных работников.

Действуй.

— Понял, Сан Ваньч. Действую.

Обратно в местком съехав, Турава позвонил Чернокопытову, сказал только одно слово:

— Зайди.

Чернокопытов — через две ступеньки на третью, углы срезая, — прибежал.

— Вызывали?

Турава поиграл бровями.

— Тебе ответственное задание есть: президиум собрания предложишь, а после резолюцию. Вот список, вот текст. Вопросы есть?

У Чернокопытова вопросов не было.

— Не в первый раз!

Турава его по сутулой рабочей спине похлопал — как погладил:

— Молодец. Действуй.

Тем временем минуты громоздились в часы и догромоздились до нужного срока — традиционного, когда собрания устраивают. Того самого, когда еще рабочему дню не конец, но работать уже перестали. А у вас в учреждении разве не так? Ну, вот видите!..

Все шахмах... или мешмаховцы? — все в зал стекались, рассаживались в привычном порядке. Пешако в первые ряды пробрался, сел под самой сценой: и на виду, и никому панорамы не заслоняет. Турава из конца в конец взад-вперед летал, суетился, последние распоряжения отдавал. Подъехал и к Пешако.

— Ну, давай как договорились.

И помчался дальше, не дожидаясь, пока Николай Петрович благонамеренно кивнет.

Поначалу вся комбинация как надо сложилась. Ладбина прижали, Чернокопытов выскочил, предложил президиум, в том числе Пешако.

Первым выступал Турава, ломил, как всегда, напрямую: мол, Конякин с его отделом за всех отдулись, квартал закрыли. Но тут неожиданно Слоныкин от отдела Ц стал на него наседать: вы, мол, от нас Конякиным прикрываетесь, а сами без суеты жить норовите, с места не сдвинешь, пока мы туда-сюда носимся. И в проблемы наши вникнуть надо, а не с бухты-барухты разгоны раздавать. Кое-кто Слоныкина в голос поддержал.

Турава от Конякина отпихнулся: да кто он мне? так, сбоку-сприпеку! — и стал смо-

треть на Пешако: дескать, пора, вступай в дело, для того тебя в президиум посадили. Николай Петрович этого взгляда совершенно не заметил и стал наливать себе воды из графина. Не прикрыл. Стало ясно: не бывать Тураве в месткоме.

Конякин понял, что дело худо, выскочил вперед — Тураву спасать, но тут Слоныкин его и срезал:

— А вы, тов. Конякин, вообще любите уваливать в сторону!

И все согласно промолчали, поскольку знали: действительно, любит в сторону свернуть в последний момент.

Такой поворот дела Ладына подтолкнул, и он тоже на Конякина бодро поехал:

— Я — все знают — иду прямо, не сворачиваю, а вы — все уже говорят — проект с недоделками сдали!

Пешако предложил всё как надо в протоколе зафиксировать. Слоныкин и на него по привычке из своего угла набросился. Но Николай Петрович не дал Слоныкину разлететься.

— А какой у вас, скажите, процент?

— Что? — Слоныкин не понял.

— Процент.

— Какой процент?

— Практической отдачи.

Слоныкин растерялся и ретировался, а по залу прошел одобрительный шум, потому что все знали: Слоныкин известный скандалист, вылезает, когда надо и не надо.

Пешако оживлением воспользовался, преданно поглядел на Ферязина и предложил подвести черту. Ферязин благосклонно наклонил голову.

Тут же выскочил Чернокопытов, который заранее переехал в первые ряды, и предложил заранее запасенную резолюцию — как ему и было поручено. Резолюцию же Турава приготовил отменную, обкатанную, на все случаи жизни, недаром неделю над ней сидел.

Правда, кое-кто в рядах заволновался: не понравилось, что уже все готово, где надо усилено, где надо смягчено. У вас в учреждении тоже, наверное, такие умники есть? Но Чернокопытов резонно разъяснил: мол, чтобы ваше же время не тратить, за вас и постарались.

Проголосовали.

На том собрание завершилось.

Расходились все по НИИШАХМАХу, обсуждая, и гул был оттенка одобрительного, кое-где даже трепыхался легкий смех: видно, вспоминали, как Пешако Слоныкина срезал.

Сам Николай Петрович, стоя за президиумным столом, бумаги собирал. Сбоку от него Турава тоже листки в папочку «Для доклада» укладывал. Николай Петрович, может, и видел, как он посверкивал глазом, и даже вроде донеслось оттуда что-то насчет «фрукта», но Пешако как человек скромный только горбился, бумажки аккуратно подкалывая. Потом говорили, что Турава в конце концов своим огромным животом наехал на бедного щуплого Николая Петровича, как бы желая того растоптать. Но такого быть, очевидно, не могло, поскольку к Пешако в это время — все видели — подошел сам Ферязин и выразил свое одобрение.

Еще целую неделю только и было разговоров в институте о том, как ловко Пешако собрание разыграл: прошло оно остро, но закончилось привычно, без подвоха для начальства, и сослуживцы только руками разводили: как же это, в каком воздухе незаметный Николай Петрович сумел уловить, что Турава поперек пути Ферязину начал становиться?

В общем, все прошло гладко, день кончался. Николай Петрович Пешако вернулся на свой этаж к скромному столу. Просмотрел кое-какие документы, освежил, выписал на календарь. Потом поглядел на часы: батюшки! заработался, пора домой.

По дороге, проходя мимо сектора Ц, Пешако увидел под дверью у Запехотина свет, заглянул:

— Ты что тут?

— Да вот, Николай Петрович, интересная статья попалась... «Проблемы диагональных ходов». Не успел за день дочитать.

— А... ну читай... Чай-то завтра будем пить?

— Конечно, Николай Петрович, заскакивайте.

— Зайду, зайду...

Пешако вышел в коридор, уже притемненный и пустой, с привычными линиями дверей. И тут — то ли игра бликов в сумерках, то ли просто глаза устали за целый-то день — показалось, что на дверях холодным рыбьим блеском очертились таблички. Но Николай Петрович усмехнулся, моргнул — и глупая игра света пропала. Николай Петрович привычно затопал к лифту, а его фигуру в сером немарком костюме быстро

почти смысла коридорная тень, и только когда он проходил под тлеющими вполсилы дежурными лампами, мелькала на свету его круглая стриженная голова.

2. ДУША

В ночь с 7 на 8 сентября тысяча девятьсот... а впрочем, какая разница какого года, разнорабочий магазина «Рыба-мясо» районного города Усть-Заплугаевска Семен Мухов в большом подпитии возвращался из «Пельменной-закусочной» от гастронома №3. Ноги его совершенно не делали того, что желал от них хозяин. Они то бросали Семена к стенам, то выводили на середину улицы, так что тот наконец начал подозревать, уж не оставил ли он свои ноги в «Пельменной-закусочной», прихватив по ошибке чужие.

Кроме этого, Семен Мухов воспроизводил горлом громкое мычание и иногда — звуки наподобие «Тха!.. Йи-эк!.. Мны!..» — и другие, причем представлялось ему, что он поет громким и красивым голосом:

*«Гулял, гулял, мальчишечка-а-а,
Гулял я в го-о-орогах!..»*

Таким образом Семен Мухов благополучно добрался до угла ул. Гоголя и уже подготовил силы, чтобы, как всегда, свернуть на ул. Бабеля, когда со стороны ул. Гегеля показалось позднее авто.

Что произошло в последующие несколько минут, не совсем поддается объяснению. С непонятным криком Семен Мухов бросился наперерез транспортному средству, которое двигалось по нужной стороне с необходимыми сигналами и даже, кажется, не превышая установленной скорости. Во всяком случае, любой, кто находился бы в это время поблизости, в ужасе закрыл бы глаза. А когда их вновь открыл, увидел бы нашего героя недвижно лежавшим посередине мостовой. Сам ли он упал, зацепившись ногой о другую, или задел его полунощный шофер — трудно было сказать.

Авто же исчезло.

Через некоторое время на место происшествия прибыла выкрашенная под сумерки патрульная машина. Двое милицейских вышли, посветили фонарем и принялись говорить в телефон. Говорили же они не зря: Семен Мухов сыграл в ящик.

Как водится в подобных случаях, вскорости с лиловым мерцанием подъехала скорая, забравшая тело в надлежащее место.

Так на свете стало одним Семеном Муховым меньше.

На следующий день около полудня проходящим участковым инспектором Яковом Сидоровичем Добробабой близ описанного места была случайно обнаружена грешная душа бывшего разнорабочего Семена Мухова, зацепившаяся за водосточную трубу.

Добробаба вмиг опознал находку, ибо столь мерзкая душа могла быть лишь у гражданина Мухова, и, будучи в затруднении, что с ней делать, занес душу в магазин «Рыба-мясо», где работал бывший ее владелец.

В тот момент в подсобном помещении магазина находились грузчик Егор, сторож Елизарыч и кассир Нинель Даниловна. Все они уже знали, как некрасиво кончил их бывший товарищ, и, как люди правильные, не одобряли того, что Семен, будучи в подпитии, бросился наперерез транспорту, но душу приняли довольно радушно. Грузчик Егор усадил ее на ящик, и все столпились вокруг, жадно наблюдая, что будет делать душа.

Прежде всего душа осмотрелась и моргнула.

— Мыргает, — заметил Егор.

— Мыргает, — согласился Елизарыч.

— Отчего ж не моргать! — добавила кассир Нинель Даниловна.

Тут Душа шмурыгнула носом и сказала гадким сильным голосом:

— Ну чего уставились? Души живой не видали?

Но не успела она договорить, как дверь распахнулась и на пороге появился сам заведующий магазином Александр Александрович Стрюпин в распахнутом на начальственном животе крахмальном халате, в нарукавниках, химическим карандашом «Пионер» почесывая возле уха.

— Что же это? — с укором сказал он. — Нинель Даниловна, почему не в зале? Егор, лодырничаете?

— Да вот... тут... такое дело у нас, — пробормотал за всех в ответ Елизарыч, от смущения залезая рукой в бороду.

Заинтересовавшись, Александр Александрович Стрюпин сунул карандаш в нагрудный карманчик, шагнул в подсобку, подошел к ящику и, ткнув пальцем, спросил:

— Никак душа?

— Душа, Сан Саныч, — ответил Егор.

— Чья?

- Семена нашего.
- Как же он без нее?
- Да, видать, обходится.

Помолчали.

— Ох, не к добру это, — сказал вдруг Елизарыч. — Гнал бы ты ее прочь, Сан Саныч, али в подвал запер. Дурная это душа.

— Да что же это такое! — взорвалась тут Душа. — Живую душу на улицу гонят! Что за порядки! Где участковый?

— М-да-а, — сказал раздумчивый Егор. — Душа-то не сахар. Но куда от нее денешься? Из магазина не погонишь — все равно назад влезет. В подвал не посадишь — в любую щелку вылезет. Одно слово — душа.

— Зато кормежки не просит, — заметила между прочим Нинель Даниловна.

— Так ведь запыет! — возразил Егор.

— Запыет, — подтвердил Елизарыч.

— Ну и запыю, ну и что? — огрызнулась Душа. — Имею такое право! Ты их, начальник-гражданин-заведующий, не слушай. Такие люди — кого хошь обгадят.

— Да я... я и не слушаю, — растерялся Стрюпин и сразу заторопился куда-то. — Ну, вы уж тут как-нибудь без меня разберитесь, а я пошел. Нинель Даниловна, позвольте вам тоже в зал пройти, не то покупатель волнуется. Егор, после пельмени в отдел подай. Бывайте.

— Трогай, дядя, — проводила его Душа.

Егор же хмуро спросил:

— А куда ж нам девать-то ее, Сан Саныч?

На что тот отвечал:

— Положите ее пока... куда-нибудь.

После этого Александр Александрович Стрюпин ушел в торговый зал, потом в кабинет и совсем забыл о найденной душе своего бывшего разнорабочего.

На следующий день Александр Александрович, как всегда, делал обход магазина и, обошедши зал, где проверил, на месте ли книга жалоб и предложений, заглянул, по привычке, в подсобное помещение. Все было вроде бы в порядке, и Александр Александрович вознамерился было уже вернуться к более важным делам, как увидел грузчика Егора, что бродил без дела, насупясь, между вавилонами разновсякой тары.

— Егор! Ты что же, никак выпивши? — строго сказал Стрюпин.

— И вовсе не пьяный, — отвечал на это Егор, — а даже наоборот, тверезный.

Тем не менее, он продолжал заглядывать по сторонам, будто что-то потерял.

— Что ж ты должность не справляешь? — продолжал сердиться Стрюпин. — Ходишь себе, бродишь только... Вот сейчас фургон с мяскокомбината подъедет, а у тебя — гляди — весь коридор лотками заставлен.

— Да, стало быть, такое дело... — сказал, начесывая загривок, Егор. — Такое дело... Нынче только целую осетрину — вот такую — сюда положил, и куда-то девалась вдруг, рыба чертова...

— Ты лучше, лучше смотри! Как это — «девалась»? Сбегай вон в овощной, съешь огурчика с рассолом. Куда могла деваться?

Егор с великим укором поглядел на заведующего.

— Я, Сан Саныч, пятый год в магазине, а все равно этого дела себе, кроме как по великим праздникам, на рабочем месте не позволяю.

Тут Александра Александровича вдруг как осенило:

— Постой, а Душа?... Душа-то где?

Обшарили все помещение, разделочную, весовую, но ни Души, ни осетра не обнаружили. Заглянули даже в шкаф, где пылился свернутый в удава пожарный кран, но и там ничего не оказалось, кроме лилового таракана, которого Александр Александрович в целях гигиены тотчас раздавил пальцем.

Душа явилась вечером, под закрытие, сильно навеселе, вошла к Стрюпину и села ему на стол. От нее убийственно разило вином.

— Здорово, гражданин заведующий! — сипло сказала она Александру Александровичу и мерзко подмигнула.

— Отдай осетра, — мрачно сказал тот.

— Какого оси... ситра? — удивилась сильнее, чем нужно, Душа. — Знать я ничего не знаю и селедок твоих копченых не брал... Думаешь, я — простой человек, так и выпить не имею права?... Имею полное пр-р-р-раво! И ты штоб... ни-ни!.. Не моги меня за эту склонность осуждать.

Услышав такие наглые речи, Александр Александрович, естественно, налил багровым негодованием и ударил по столу кулаком так, что Душа, сидючи на нем, даже подскочила от сотрясения.

— Цы-ыц! — зарычал заведующий страшным голосом. — Конец квартала на носу, ревизия через неделю! Отдавай осетра! Я на тебя бумагу напишу! В тюрьме сгною!

— Ха! — презрительно отвечала Душа, сплевывая на кабинетный линолеум. — Напиши! Попробуй! — потом помолчала, мутным взглядом уставясь на кривую реализации на стене, и, буркнув: — Ну, прощевай! — соскочила со стола и вышла, громко хлопнув дверью.

Александр Александрович в запальчивости хотел было чем-нибудь кинуть ей вслед, но вдруг почувствовал слабость и в изнеможении раскинулся в кресле.

«Ай-ай-ай! Вот ведь, действительно: куда на нее пожалуешься? — тоскливо подумал он. — Разве что в какие небесные инстанции! Известное дело — душа...»

Ночью Александр Александрович Стрюпин спал плохо и пугал супругу вскриками. Ему снился жуткий сон, будто Душа бежит по магазину с мясным топором и бьет им по кассовому аппарату.

Утром Душа заявила к Стрюпину немного не в себе. Потоптавшись по кабинету и пересмотрев все графики и строгие плакаты на стенах, она мрачно сказала Александру Александровичу:

— Слышь, начальник, дай рупь — опохмелиться.

Надобно сказать, что Стрюпин в этот день был зван на один небольшой сабантуй, и отвязаться от Души было пределом его желаний. Поэтому он даже собрал на лице умильные морщины и произнес приторным голосом:

— Ну что ж, голубчик ты мой, что ж тут делать. Поди, дорогуша, выпей водочки, развеселись. На вот, возьми три рубля.

Душа взяла три рубля и удалилась.

Вернулась она под вечер, часам к шести, в еще более гадком настроении, нежели утром, потому что в рюмочной «Белый медведь» встретила старого друга Васяню Несоленого, которому Семен Мухов должен был рубль, так что пришлось старого друга угостить.

Войдя в магазин, Душа направилась напрямик в кабинет, но Стрюпина не нашла, после чего стала мрачно слоняться по подсобке, пока не наткнулась на сторожа Елизарыча.

— Здорово, дед, — сказала она, остановившись перед ним, и начала раскачиваться на носках.

— Здорово, коли не шутишь, — кашляя, отвечал Елизарыч.

— Где тиран-то наш?

— Куды это? — не понял сторож.

— Начальник наш где, спрашиваю, тьма египетская, — разъяснила Душа.

Елизарыч к грубостям Души уже попривык, а потому не осерчал и охотно разъяснил, что Александр Александрович зван вечером в гости и потому ушел нынче из магазина пораньше. Это Душе совсем не понравилось.

— А к кому зван-то? — спросила она.

— Да откуда ж знать! — сказал Елизарыч и хихикнул. — Мне не докладывали.

— Дурак, — с презрением отозвалась Душа. — Впрочем, где ему быть, как не у этого, ушастого... Знаю я. И где живет, тоже знаю, сколько к нему разов телятину возил, — после таких слов Душа скорчила Елизарычу рожу и, сказав: — Ну, дед, бывай, — отчалила из магазина.

К прискорбию, нужно заметить, что Душа находилась на верном пути. Александр Александрович Стрюпин действительно зван был к ушастому... то есть, кроме Души, конечно, никто бы так и не подумал называть Жана Ульяновича Мяшкина, человека вполне солидного, заведующего городским меховым ателье. В этот самый вечер Жан Ульянович отмечал свой день рождения, по какому случаю собрал у себя подобающих гостей. Были там, конечно, директора, заведующие, председатели. Были также заместители, исполняющие обязанности, помощники. Были... в общем, все гости были никак не ниже уполномоченных. По случаю дня рождения они оставили скромные пиджаки, пропахшие у кого — казенными бумагами, у кого — душными складскими запахами, и залоснились велюром, засверкали рубиновыми запонками, запахла дорогими иноземными лосьонами «О соваж» или «Брюммель». А жены их и подружки... но нет, вряд ли кто-нибудь мог бы осмелиться передать все их великолепие. Как говорится, ни в сказке сказать, ни в описи отразить... то есть, конечно: ни пером описать.

И разговоры здесь шли самые подобающие. Большие начальники говорили об окладах, начальники поменьше — о ставках, а просто уполномоченные — о зарплатах. Говорили здесь о премиальных, о квартальных, о пыльных-дымных и... да о чем только здесь ни говорили!

Как мы уже упомянули, заведующий магазином «Рыба-мясо» Александр Александрович Стрюпин тоже был здесь. Стоя возле блюда с поросенком (званный вечер был,

разумеется, подкреплен солидным фуршетом), он чокался с Виталиком (без отчества) Стреляных, ответственным из «Автосервиса», и, лукаво усмехаясь, говорил ему:

— За твое, Виталик, бесценное здоровье, — нажимая почему-то на слово «бесценное».

На что Виталик Стреляных, не менее лукаво подмигивая, отвечал:

— Ну что вы, Сан Саныч, разве такое уж бесценное?

После этого Виталик и Александр Александрович выпили: Виталик коньяку из бутылки с созвездием, Александр Александрович «Посольской», и закусили: Виталик подцепил лимону, Александр Александрович налег на зернистую икру и маслины, приговаривая:

— Эх, хороша водочка! Выпьешь — поверишь в переселение душ!.. — но сразу вспомнил о Душе и осекся.

Между тем Душа уже нажимала на нижнем этаже в лифте нужную кнопку и поехала вверх, чувствуя острую потребность выпить и сделать какую-нибудь гадость.

Выйдя из лифта, Душа побродила по площадке, припоминая квартиру, и, прочитав на одной из дверей: «Ж.У.Мяшкин», прорворчала:

— Тут он и живет, ушастый.

Она уже было подняла руку — позвонить, но внезапно передумала, сделала неопределенный жест и протиснулась в щель между дверью и косяком.

Проникнув таким образом не без труда вовнутрь, Душа очутилась в заваленной пальто и плащами полутемной прихожей, откуда видна была часть гостиной со свечами, с водками-закусками, с парами, танцующими под нечто японско-французское. Раздраженная скулежом скрипачек, Душа помотала башкой и смело шагнула к тому углу, где теснились рюмки и разновсякие угощения. Как раз в этот момент у стола стоял с бокалом шампанского в одной руке и стаканчиком наливки в другой Лев Львович Бумбановский, гость не из самых крупных, который, как безошибочно определила Душа, был уже «набрамшись». Когда Душа приблизилась, Лев Львович как раз размышлял, выпить ли сперва шампанского, а после запить наливкой, либо же прежде откусать наливки, а уже на десерт хлопнуть шампанского.

Подойдя к Бумбановскому вихляющей походкой, Душа, не раздумывая долго, взяла у него из левой руки стаканчик с наливкой и, чокнувшись им о бокал с шампанским, который продолжал оставаться у Льва Львовича в другой руке, спросила сипло:

— Как поживаешь, Пень Дурасыч?

Бумбановский поднял глаза, но во хмелю ему вместо Души показался представительный гражданин в двубортном костюме, в рубашке с люреск... люксер... в общем, с искровой нитью и при часах «Гинья».

— Простите, я, некоторым образом, Лев Львович, а с кем имею честь? — учтиво справился он.

— Семен Мухов, — кратко ответствовала Душа. — Выпьем, Лева?

— Выпьем, — кивнул Бумбановский.

Опорожнив стаканчик, Душа посмотрела вглубь комнаты. Кавалеры и дамы неслышно плыли по ковру. Сам Александр Александрович Стрюпин тоже кружился среди всех с приятной для обозрения партнершею и что-то говорил в ушко.

— Пляшут... — мрачно констатировала Душа.

— Да-с, жуируют, — поддакнул сбоку Бумбановский.

Душа важно повернулась к нему:

— Ну, как вам бал?

— Да ничего сабантуйчик, Семен...

— Тарасыч.

— ...Тарасович, — на всякий случай слегка прогнувшись в поясе из почтения, отвечал Бумбановский. — И музыка вот, некоторым образом, весьма приятно звучит, и водок одних три сорта...

— Знатный бальчик, — небрежно сказала Душа, польщенная тем, что ее называют по отчеству, протянула руку и, не глядя, налила себе первого, что подвернулось. — Широко живет Ванька. Совсем обхамел. Ох, не к добру это!

— Об ком это вы? — растерялся Бумбановский. — Уж не о Жане ли Ульяновиче?

— О ком же еще? — удивилась Душа. — О нем, о Ваньке, конечно. Весь город говорит... «Волга»-то серенькая внизу у подъезда — его, што ль?

— Его... — прошептал Бумбановский, обмирая.

— Вот я и говорю, — продолжала Душа. — Упекут его скоро за Можай... Его и других тоже с ним...

— К-кого же? — спросил Бумбановский, отчего-то икая.

— Кого?... — сказала Душа, потом задумалась и с плеча рубанула: — Да всех!

Лев Львович Бумбановский почувствовал, что ковер под ногами у него словно бы затрепыхался, а переплеты на окнах показались слишком частыми.

— Ох, точат, точат перья! — причитала Душа. — И чернила уж налиты... Бумага казенная стопой лежит, приготовлена...

Душа еще долго приговаривала бы, но тут она заметила неподалеку колбасу «сервелат», которую, будучи Семеном Муховым, весьма уважала.

— Эва, стол богатый нынче, — переменяла она тему и двинулась вдоль стола, покинув Бумбановского, ибо тот остался стоять и трепетать на прежнем месте.

Душа же, дойдя до сервелата, вдруг наткнулась на даму, с которой только что танцевал Александр Александрович Стрюпин.

— Между прочим, — сказала дама, обернувшись и продолжая разоблачать от кожурсы золотой марокканский апельсин, — вы меня толкнули.

— Ах, дико извиняюсь, миль пардон, битте-дритте, — расшаркалась Душа, а когда дама вновь отвернулась, то наклонилась к ней и назидательно произнесла: — Ты, слышь-ка, со Стрюпиным не вожжайся, заметут его скоро.

— Как это — заметут? — удивилась дама, покосившись на Душу.

— Очень просто, посодют, значит. Поедет в монастырь, в отдельную келью... лет на семь, ге-ге...

— За что же?!

— А ты будто не знаешь? — удивилась Душа. — В газетах об этом каждый день трезвонят: за подлоги, как уж водится. За хищения. Использование этого... служебного места... и за прочее всякое.

— Не может быть! — взвизгнула дама, выронила чищенный апельсин и отскочила, а апельсин покотился по столу, сбивая рюмки, как кегли.

— Держи карман шире — не может быть! — возмущенно пустила вслед Душа. — Уж кому знать, как не нам. В одном, чай, котле варимся!

Дама, рыдая, убежала. На Душу уже косились со всех сторон, и сквозь музыкальные волны слышались возмущенные голоса: «Хам какой-то...», «...Напился и буянит...», «Да кто его привел?...»

Не обращая внимания на это пчелиное жужжание, Душа налила себе очередную порцию из сосуда с непонятными чужими буквами, потом поискала: чем бы закусить? — и вдруг обрадовалась:

— Пельсин-то вон лежит! Ишь, недалеко укатился.

Опрокинула рюмку и зачавкала, капая липким соком на ковер. В этот момент на нее и наскочил петухом бледный Александр Александрович Стрюпин, зашипел гусем:

— Заявился все-таки, змей! Ну прямо как чувствовал я сегодня недоброе. Звали тебя сюда? Хулиганить пришел, к женщинам приставать? Да разве для тебя места такие? Ты еще «Шумел камыш» спой, чучело! Иди, иди вон в пельменную-закусочную!

От такого града слов Душа сперва опешила, а может, просто хотела в спокойствии доест апельсин. Дожевав, она облизала пальцы, хлопнула заведующего магазином «Рыба-мясо» по вельветовому плечу и заорала:

— Ба! Сашка! Тебя-то я и искал, разбойник!

— Тише! Тише! — зашептал Александр Александрович, нахмутив брови. — Чего раскричался?

— Ну, ладно, не бойсь, — утихла Душа. — Чевой-то весело мне стало, должно с водки этой ненашенской... Может, еще дербалызнем? По маленькой?

— Нет уж, я нынче больше не пью, — отвечал на это Александр Александрович, стихнув и словно открыв для себя вдруг что-то важное, а после поспешил отойти.

Затем он, как человек сообразительный, незаметно вышел в прихожую, забрал свой плащ и покинул квартиру гостеприимного Жана Ульяновича, не забыв, впрочем, обменяться несколькими словами с той самой дамой, что была обижена Душой.

Душа же продолжала куролесить. Ей давно уже не нравилась музыка, которой так гордился хозяин, и в конце концов она решила, что довольно терпела и что пришла пора самой повеселиться.

— Шабаш! — громко заявила она. — Эй, кто там! Выключи скрипения-пыхтения энти. Теперь я лично петь желаю, — после этого Душа пригорюнилась и затянула любимую: — Гулял, гулял, мальчи-ишечка-а-а...

Конечно, такого безобразия терпеть было никак нельзя. Поэтому гости разом набросились на Душу с обвинениями и упреками. Однако мерзкая Душа не только не испугалась, но, наоборот, перед лицом разгневанного общества повела себя отвратительно нахально.

— Ишь, разорались, — огрызнулась она. — Тоже... жентильмены. Вот ты, носатый, — ткнула она в начальника мехколонны Михаила Палыча Заеца, — дачу на государственные деньги строишь, а я разве что? Разве я в претензии? Потому что я понимаю: у каждого свои слабости. И гавкать на меня не моги... И ты тоже, прыщ, — говорила она уже другому уважаемому гражданину — Аркадию Гавриловичу Братцеву-Кроликову, директору комиссионного магазина. — Ты за манухактуру из-под прилавка-то

сколько берешь? За вещичку? Ей и грош цена-то вещичке ведь, а? Ну, то-то, красавец!.. Ишь, губы надул! — кричала она еще кому-то, распаяясь. — Это ты в костюме такой важный, а ежили на одну твою душу взглянуть, так она похуже меня будет!..

В общем, вышел форменный скандал. Незваная Душа всем нагрубилась, хозяйина дома, водок и закусок неблагодарно назвала «проходимцем», а об одном очень уважаемом уполномоченном высказалась совсем обидно: «Уполномоченный — упал, намоченный».

Короче говоря, безобразиям не было предела. Напоследок Душа выпила еще три рюмки, обозвала всех живоглотами и, горько плача, удалилась.

Тогда бросились искать, кто привел хулигана. Вспомнили, что видели с вышеозначенным гражданином Бумбановского, но тот уже спал, положив голову между тарелок, и свистел носом. На спящего налетели толпой, растрясали, разбудили и стали пытаться, видел ли он какого незнакомого среди гостей и откуда тот взялся.

— В... видел, — с достоинством ответил Бумбановский, подбирая слюну. — Очень достойный человек... и даже интеле... телигентный.

Однако, поняв сквозь туман, что общество на его милейшего собутыльника весьма сердито, Лев Львович начал тут же от всего отказываться и тем окончательно расследование запутал.

Расходились все в отвратительном настроении, и даже икра и маслины лишь тянули желудки, словно камни. Душа на всех нагнала такую меланхолию, что уже на улице в любом звуке: загудит ли ветер в расстроенную флейту переулков, вскрикнет ли полочный клаксон — каждому чудился отвратительный голос с подвывом: «Гулял, гулял, мальчи-ишечка-а-а!..»

После того скандального вечера дела в магазине «Рыба-мясо» пошли совсем лихие. Душа напрочь распоясалась и стала таскать, как при жизни никогда не таскала. Немудрено, конечно: ведь прежде Семена Мухова сдерживало брэнное тело, с которым — что греха таить! — иной раз нужно было бороться, а теперь, когда одна гольная душа осталась, стало не в пример легче. Стала она совращать и Егора. Шлепала с ним картами в подсобке и орала, обнявшись, похабные песни.

Однажды привезли три ящика крабов в банках — раз в сто лет такое в обычном «Рыба-мясо» бывает. Очень пришились те крабы кстати: пора было к зиме о себе в универмаге напомнить, да и в машине где поскрипывать стало, где покрякивать, а где постанывать, а в очередь в «Автосервис», как известно, одни самоубийцы записываются. Так что крабы, можно сказать, как с неба упали. И надо же — проклятая Душа мигом все разноухала, на второй день сунулся Александр Александрович Стрюпин в заветный угол — ан крабов-то уж и след простыл! У заведующего даже в глазах помутилось.

— Да имеешь ли ты совесть? — напустился он на Душу. — Это уже за все мыслимые границы заходит! Ты так при жизни не тянула!.. или — тянул?.. Тьфу-ты, еще грамматика эта на мою голову! Но суть-то одна: издевательство какое-то получается! И ревизия совсем на носу — вчера предупредили. Понимаешь ты это, голова дубовая?..

Душа, как и следовало ожидать, ничуть не смутилась.

— Чего это ты взъелся? — сказала она. — Живот, что ль, болит?

Александр Александрович чуть не лишился чувств от такого бесстыдства. Ему захотелось кричать: «Караул! Грабят!», но он только прорыдал:

— Гангстер! Ворюга!..

Душа на «ворюгу» очень обиделась.

— Что ж, выходит — тебе можно, а мне нельзя? — сказала она, засопев. — Ты вон все мясо по какой категории пускаешь? А энтот, кореш твой, мурло семибатюшное из «Блинной», может, в блины чистую говядину кладет? Видал я, как с черного хода говядину-то так и носят, так и носят кошелками!

Александр Александрович заскрипел зубами, затопал, хотел возразить, но... говядину-то и впрямь носят. И кошелками.

Тогда, застонав, заведующий вдруг стал обмякать, оседать и очутился перед своим учителем на коленях.

— Пощади... сволочь!

— Ну, ладно, — смягчилась Душа. — Я зла на тебя, Сашка, не держу. Живи, — с этими словами она осенью заведующего жестом римского цезаря, хотя и неясно, мог ли Семен Мухов что-нибудь слышать о цезарях в своей жизни, что проистекала между магазином и пельменной-закусочной от гастронома №3.

Через два дня, как и говорили Александру Александровичу, грянула ревизия. Не то чтобы особенно грянула вроде грома с ясного неба — такого уже лет десять в магазине «Рыба-мясо» не бывало, а может, и более. Но, тем не менее, случилась эта ревизия все не к месту и, конечно же, по причине Души.

Когда на дверь магазина повесили картонку «Закрыто на учет», Александру Александровичу стало неуютно, как провинившемуся школьнику. Люди в ревизии были свои, известные, но все равно черт знает что могли подумать. Дела запущены, недоста- ча так и выглядывает отовсюду. Кошмар! Ревизия задержалась до самой ночи — сиде- ли, считали, судили-рядили.

— М-да... — в который раз качал головой главный ревизор Василий Афанасьевич Рететей и, вынудив обширный платок, промокаивал им львиное свое лицо. — Что же тут делать будем? Нехорошо в этот раз как-то выходит. Никогда вроде такого не бывало.

— Да говорю же, не я это! — прикладывал руки к пиджаку Александр Александрович Стрюпин. — Я ж объяснял уже: душа Семенова меня подводит. Сам не рад, а что с нею поделаешь?

— Хе-хе, — усмехалась ревизия. — Ну, уморил, Гоголь прямо! Да ты сам пойми: не спишешь же на какую-то душу!

Александр Александрович соглашался и сникал.

Наконец, Василий Афанасьевич посмотрел на сумеречную тьму за окном и стал записывать бумаги в громадный портфель.

— Ну, ладно, время позднее, а утро вечера мудренее. Завтра будем ходы-выходы искать. Отдыхай, Александр Александрович, и не печалься, что-нибудь да придумаем.

Но Стрюпин только рукой махнул: эх, жизнь!..

Ревизия удалась (только Василий Афанасьевич Рететей на пороге еще раз обо- ротился и погрозил пальцем, присовокупив: «Додумался же... душа!»), а заведующий магазином «Рыба-мясо» так и остался плакучей ивой горюниться над столом с наклад- ными, на которые и глядеть-то не хотелось. Вот ведь было раньше — блеск и ажур, все гладко, хоть на коньках катайся. А нынче Рететей косился, будто он, Стрюпин, сам не понимает, что в бумагах главный корень, что хоть умри, а документ чтоб без сучка был, как лакированный! Теперь, глядишь, пойдут суды-пересуды: Стрюпин, мол, зарвался; общество в страхе отшатнется, а тут в одиночку без дружеской поддержки и пропа- дешь!

Видения одно кошмарнее другого совсем замучили заведующего.

«Интересно, может Душа удавить? — мыслил он со слезами в сердце и приходил к неутешительному выводу. — Без сомнения, такая все может: оговорить, ограбить, уда- вить... Даже если не удавит, все равно придет время — и dokonает она меня. Непременно dokonает! Ах ты, горе какое, и чем я заслужил такое наказание? Что же делать-то? Что? Может — в бутылку ее загнать?..»

Удрученный горькими думами, Стрюпин все сидел и сидел в кабинете, хотя казен- ные часы на стене уже показывали полночь. Вдруг ему показалось, что у входа в мага- зин звонят.

Александр Александрович прислушался. Нет. Ничего.

Снова затрещал звонок. Александр Александрович вскочил. Звонили с улицы, от главного входа. Кто бы это мог быть? Да еще в такой час? Непонятно... Зов звонка становился все настойчивей. Александр Александрович поднялся и отправился посмо- треть: кто это так трезвонит? — а если заплутавший пьяный, то и грозно прикрикнуть.

Он прошел через сумрачный торговый зал, где перламутровые блики уличного фо- наря задумчиво бродили по кафельным стенам. Приблизившись к двери, заведующий зажег спичку, приблизил ее к темному стеклу и ахнул: свет выхватил из мрака лицо покойного разнобачего Семена Мухова.

Заметив Стрюпина, тот прижался лицом к стеклу, и Александр Александрович ус- лышал его приглушенный голос:

— Отчини дверь!..

— Сейчас, сейчас! — суется, Александр Александрович снял задвижку и впустил Семена. Тот вошел, сняв кепку. — Батюшки! Синий-то какой! — всплеснул руками Стрюпин.

— Полежишь с мое в могиле — не так посинеешь, — строго сказал Семен. — Заг- нивать я уж начал, так-то, гражданин заведующий!

— Зачем пожаловал-то?

— Да за душой, — пояснил Семен. — Душа моя где? Здесь?

— Тут! — радостно отозвался Стрюпин.

— А то черти телу покоя не дают, душу требуют. Говорят, в ад ее, стало быть, надо тащить. А мне надлежит покойно лежать... Так что зови душу-то.

— Сию минуту!..

Александр Александрович, спотыкаясь, кинулся назад. По стенам запрыгала тень.

Душу он нашел в подсобном помещении, где она спала на ящиках, свернувшись калачиком. Стрюпин растолкал ее, сказал строго:

— Ну-ка, пошли!

— Куды это еще? — зевая, недовольно пробурчала Душа.

— Иди, иди, — вместо ответа подтолкнул ее Александр Александрович.

Миновав разделочную, они прошли по коридору и вышли в зал, где поджидал их Семен. Увидев его, Душа остановилась как вкопанная и заметно побледнела с лица.

— Душа! — грозно сказал Семен. — Подь сюда!

— И знать ничего не желаю... — начала было та, но Семен еще более грозно крикнул:

— Душа! Ко мне! — и вдобавок топнул ногой.

И когда Душа приблизилась, взял ее, небрежно скомкал и сунул в карман.

— Ну, что ж, спасибо, гражданин заведующий. Прощай, пойду я.

— До свидания, Семен. Может, стаканчик пропустишь, погреешься... Небось, студено... там-то?..

Бывший разнорабочий задумался.

— Нет, благодарствуйте, не приму я стакан, — наконец сказал он. — И так грехов много, что ж лишний-то на себя брать? Пойду я.

— Ну, как хочешь, — согласно кивнул Александр Александрович. — Тогда прощай. Смотри, душу не оброни!

— Не, у меня крепко, — успокоил Стрюпина Семен, повернулся и вышел.

Александр Александрович долго стоял в дверях — смотрел, как темная фигура спустилась вниз по улице, перешла мостовую и, наконец, растворилась в ночи.

А недостатку все же списали. Написали так: продукты подлежат списанию, поскольку оказались с *душком*. Правда, так как потребовалась еще подпись санитарной комиссии, пришлось цифру против прежней немного округлить.

3. «ЖЕЛАЮ!..» или ВОЛШЕБНАЯ ЛАМПА ОЛАДЬИНА

Вы верите в нечистого? Ну — в сатану, Люцифера, Вельзевула... как его там еще? Дьявола, в общем. Я тоже не верю. А Эдик Оладьин верил.

И еще была гроза.

Розовые молнии... Стойте, а бывают ли розовые молнии? Впрочем, кто его знает, может, и бывают, если очень внимательно присмотреться.

Итак, розовые молнии метались по небу, рычал гром, и пальцы дождя отбивали по стеклам нескончаемую песню.

Эдик Оладьин сидел на чердаке своего дома №14А.

Дом был двенадцатиэтажный, добротный, хоть и блочный. Стены его, конечно, были серенькими больше, чем хотелось бы, но зато по великим праздникам на фасаде вывешивались огромные буквы: СЛА и ТР. Непонятно? Это оттого, что вы пока не знаете, какие буквы висели по тем же дням на соседнем доме. А там висели: ВА и УДУ.

На чердаке было сумрачно и душно. Покрытые плесенью балки мрачно висели над самой головой Оладьина, и на них качалась мохнатая паутина. В раскрытое тесное окошко ветер заносил с улицы вместе с каплями дождя щекотливый запах мокрой пыли.

Перед Эдиком стоял странный предмет, похожий на... да ни на что не похожий. Никто не смог бы определить предназначение этого аппарата, потому что он не годился ни для варения браги, ни для других полезных по дому дел. Это было всего лишь приспособление для вызывания... да-да, дьявола из далекой преисподней на чердак дома №14А.

Для постороннего глаза в аппарате прежде всего выделялась толстая стеклянная труба, из которой выползал змеевик и впадал в реторту с тонким носом. Нос реторты, в свою очередь, упирался в непонятный сосуд, напоминающий кастрюлю, а из кастрюли вытекало умопомрачительное множество трубок и шлангов, опутывающих прибор почище корневой системы какой-нибудь китайской магнолии. Надо всем этим были прикреплены: старый противень, труба дымовая и другая, поменьше, с клапаном — для выхода вредных паров. Кроме того (само собой!), аппарат имел рычаг для управления и колеса от детской коляски для передвижения с места на место.

Эдик Оладьин откинул со лба прядь мокрых от усердия волос и приступил к закручиванию последней гайки. Смутные мысли суетились у него в голове, и все были праздничные, прямо разноцветные. Ого-го! Теперь он запросто велит хвостатому явиться и расколет его по-крупному. Читал он в книжках, читал, как оно делается! Можно будет такое сорвать, бляха-муха!.. Правда, придется подвытряхнуться... заложить как-то там душу. Но внутренний голос или, как говорят лекторы, эмпирический опыт, который подсказывал Оладьину, что дьявол существует, отчего-то выражал одновременно сильное сомнение относительно райских куш.

Эдик возился себе у аппарата, напевая про белые розы, а дождь снаружи бубнил

что-то свое, и оба они были очень довольны.

Вдруг над самой крышей лопнул такой оглушительный разряд грома, что Оладьину на секунду пришли на ум сразу все инструкции об осторожном обращении с газом. Вздрогнув, Эдик присел, потом оглянулся на чердачное окно — и слегка пристолбенел. Он увидел маленький золотистый шарик — не больше гусиного яйца. Шарик висел в воздухе и нерешительно колебался под дуновениями сквозняка.

У Эдика мигом пересохло во рту, но зато ладони, наоборот, стали страшно мокрыми. Мы с вами догадываемся, что странное яйцо было шаровой молнией. Эдик Оладьин тоже догадался, поскольку любил смотреть научно-популярные передачи и был наслышан о том, какие закидоны отмачивают иногда такие вот колобки. Наполнившись морозом, Эдик встал на четвереньки и пополз задним ходом, выпучившись на гадскую штуковину. По дороге, разумеется, он наткнулся сначала на старый ящик, потом на пустую бутылку 0,75 (без которых, как известно, не обходится нигде), но даже не помянул «японского городского», как это делал обычно при подобных происшествиях. Наконец он втиснулся в угол, забился в паутину и в запах плесени — и там замер. Все веселые мысли испарились, осталась только одна мысль, довольно туманная, означающая примерно, что, мол, было бы неплохо, если бы все спокойненько и без пыли обошлось.

Шар между тем словно бы раздумывал, посещать ему или не посещать унылый чердак дома №14А. Вначале создалось впечатление, что он продолжит свой роковой путь, не заглядывая в это сумрачное помещенье, но тут внезапно ветер дунул с остервенением, и электрический гад, сухо потрескивая, пожаловал внутрь.

От шара исходило сияние, как если бы вдруг зажгли свечу. Но Эдику Оладьину было не до того, чтобы подмечать такие мелочи. В голове у него от страха стало совсем пусто и жужжали какие-то мухи. Между тем паразит остановился посреди чердака и начал медленно поворачиваться вокруг себя. Эдик совсем струсил, решив, что чудовище оглядывается в поисках его, чтобы испепелить на месте — и он на всякий случай зажмурил глаза. Но прошла минута, потом другая, а ничего ужасного, кроме зуда в отсиженной ноге, не происходило. Тогда Эдик немного успокоился и снова глянул из угла.

Шар был все еще тут, только переехал вбок и висел теперь над аппаратом. Потом он начал спускаться... спускаться... пока не достиг верхней трубы. Ослепительно сверкнуло — и ужасный взрыв смешался с ударом грома за окном. Эдик неприлично взвизгнул, на голову ему посыпалась строительная труха, а весь чердак наполнился ядовитым дымом.

Дождь за окном припустил вовсю, стало еще сумрачней.

Эдик Оладьин совсем задохнулся и закашлялся, но не собирался покидать убежище, потому что страх еще сидел у него в животе. Наконец сквозняк рассеял дым, но зловредного шара не было видно. Оладьин подождал минут пять. Все было спокойно. Тогда он встал на четвереньки и начал понемногу выползать из угла, обирая с ушей паутину и мусор. Доползая до середины чердака, он остановился и сел на корточки, став похожим на большую наседку. Потом еще раз огляделся по сторонам: не выскочит ли вдруг опять какая-нибудь гадость? И наконец он встал, разминая отсиженную ногу.

Но тут его взгляд упал на аппарат. Замечательный агрегат стоял оплавленный, безвозвратно покалеченный. Оладьину стало резко понятно, куда девалась молния.

«Вот, значит, сюда, японский городской, — сказал он сам себе. — Эта зараза ударила, значит, сюда, а машина по ней в ответ звезданула...»

И в этот миг до него дошло, что наделало электрическое яйцо. Оно уничтожило его творение! Сколько недель он добывал дефицитные детали, ковырялся тут, потел, как бобик — и вот получил вместо оригинального научно-технического агрегата просто кучу барахла со свалки!

Эдику Оладьину по привычке сильно захотелось ругаться. Как пишут в романах, гнев кипящей струей наполнил его сердце. Разумеется, как всякий нормальный человек, Эдик был устроен так, что редко видел вину происшедших неприятностей в собственном рогозействе. Ни на минуту даже он не подумал, что если бы вот, например, окно было закрыто... а сразу же стал искать виновника на стороне.

— Японский городской, кто же это окно расхлебенил? — с твердой уверенностью начал он. — Какая чертова рожа? — спросил он неведомо кого. — У-у, в душу, в печень, к чертям свинячьим!..

Привычно начав, Эдик понемногу совсем распалился, стал махать руками, метаться туда-сюда, и, не зная физики, можно было подумать, что это он разбрасывал громы и молнии над городом — так сверкали его глаза и так остервенело ухал голос.

И вдруг...

— Кхе-кхе... — кашлянул кто-то за спиной у Оладьина.

Эдик подпрыгнул, оглянулся — и на его глазах метрах в трех от него из воздуха

соткался дьявол.

Дьявол был самый обычный — обросший рыжей шерстью, весь в черном шуршащем плаще; на голове нелепо торчали маленькие рожки; лакированные копыта сияли в чердачном сумраке, как импортные итальянские ботинки.

Дьявол соткался прямо между небом и землей, вернее, между полом и крышей. Он висел... точнее, он сидел в полуметре над случайно завалившейся испорченной электрической плитой, положив ногу на ногу и сплетя на животе пальцы. Заметив изумление в глазах у Оладына, дьявол поглядел вниз, пробормотал:

— Пардон, промахнулся, — и мигом переместился вниз, сев по-человечески.

Как ни странно, но Эдик при появлении владыки ада никакого страха не почувствовал, поскольку, как мы знаем, давно готовил себя к этой встрече. И хотя радеву состоялось не совсем так, как ожидалось, житель дома №14А даже обрадовался.

Увидев, что его собеседник не собирается падать в обморок и в состоянии вести переговоры, дьявол слегка качнул острой бородкой и сказал с легким акцентом немца, долго жившего в Риге:

— Добрый день, господин Оладын.

Нечистый говорил солидно, вежливо. Если бы не хвост, шерсть и прочие неотъемлемые атрибуты, его можно было бы принять за кооперативного доктора, и вообще он даже чем-то смахивал на банковского ревизора Петра Евгеньевича Цуцкина. Но все-таки это был дьявол.

— Добрый день, гражд... ваше... ваша... светлость, — вежливо ответил Эдик на приветствие повелителя бесов.

— Я, наверное, не очень хорошо изъясняюсь по-русски, — сказал хвостатый посетитель и осклабился. — Прошу извинить.

— Да нет, что там, вполне сносно... ваше превосходительство, — успокоил его Эдик.

Нечистый снова осклабился, и Оладын со всем понтом тоже изобразил удовольствие.

— Итак, слушаю вас, — убрав улыбку, сказал дьявол.

— То есть... что?

Дьявол проявил легкое нетерпение, что выразилось в нервном шевелении сплетенных пальцев. Он переждал очередной удар грома и повторил:

— Я сказал, что готов выслушать вас. Ведь вы, кажется, хотели меня видеть, не так ли?

Под пронзительным взглядом красных глаз Эдик немного растерялся.

— Я?... Да вроде... хотел.

«Испугался!» — с презрением подумал дьявол.

Вслух же он сказал с той же дьявольской вежливостью:

— Так что желаете?

Эдик заморгал. Губы против воли стали расплываться в простецкой улыбке.

— Что я желаю? А... а вы что... мистер, вы можете любую просьбу?... — тут Оладын проглотил кусок воздуха, недоверчиво глядя на нечистого.

Тот раздраженно пощипал бородку.

— Конечно, любую, пржзл!

— Пр... что?

— Ругаюсь, — пояснил дьявол. — Ну-с?

— Все, что ни пожелаю?!

— Пржзл! Да!

— Все, что ни пожелаю!.. — пробормотал Эдик Оладын. — Все... что ни пожелаю... что ни пожелаю...

В его глазах загорелись угли. Нервно потирая руки, он блуждающим взглядом посмотрел в окно, а в голове снова закрутились мысли.

Дьявол достал сигару и закурил, пуская синие кольца.

«Плебей! — думал он. — Сейчас попросит миллион долларов и дачу в Крыму!»

Однако Эдик брал выше.

«Теперь, Эдуашка, не продешеви! — сказал он сам себе. — Часто ли такой случай выскакивает! С рогатого фраера надо слупить без стеснения... Пусть сделает главным всей земли!..»

Но тут Эдик осадил воображение, придя в замешательство. Мужчина он был все-таки умный, и его взяло сомнение, оттого что он никак не мог представить себя исполняющим затребованную было должность. Он даже закрыл глаза и потерел себя за нос, но — увы! — тщетно. Возникло что-то вроде конторы РЭУ №5, отчего становилось только противно.

«Ну его! — подумал Оладын. — Возможно, такой должности вовсе невозможно на свете устроить!.. Тогда пусть сделает хоть... генеральным!» — холодея от смелости, решил он. Он совсем уже собрался гаркнуть: «А подать к моему третьему подъезду ка-

кую-никакую черную с никелем колымагу!» — и даже открыл рот, но тут же в страхе его захлопнул.

«Эх, мать-перемать, ге-не-раль-ный!» — произнес он про себя, потом повторил: генеральный...» — но слово было чужим и непонятным.

По правде говоря, Эдик испытывал самое глубокое почтение перед всякими должностями, значками и орденами, а уж когда в коридоре встречал замдиректора Никиту Семеновича Феохарьева, то начинал против воли мигать левым глазом. Что же касается, например, таких персон, как председатели райсоветов или секретари обкомов, то Оладьин их сроду не видел, только читал в газетах, что они где-то есть на свете.

Поэтому у Эдика внутри что-то неуютно съежилось, когда он представил себя среди таких бугров на ровном месте, как секретари, министры, помощники, уполномоченные... и еще сколько разных будет! Стремное дело! Ведь это надо уметь, что кому сказать, как взглянуть... А недовольства пойдут? Сплетни, интриги? Непрочное дело, за милую душу фраернешься!

«Эх, твою!..» — подумал Эдик и, еще чуток поразмыслив, отказался от генерального.

Что же заказать-то?

Может — предом в райсобесе?.. Ну да еще! Тоже — Дунькино счастье — в каком-нибудь утонувшем в грязи Зареченско-Сидоровском районе порядок наводить!

А что если велеть: пусть монет отвалит?.. Или «Мерс» заморский, серебристый, чтоб даже гайшники рот разинули!.. Нет, несходно, раскурочат, сволочи, по злобе, с зависти сожрут! А за тыщу-другую, за пошлый «Жигуль» какая маза шестерить? Даже хоть бы и для дьявола. М-да...

Эдику стало тоскливо, как с большого кира. Он снова перетряхнул все, что было в голове, разыскивая подходящее, грандиозное, ломовое такое, блин!

И вдруг въехал. Понял, что вообще-то у него ничего такого и нет. Ни-че-го.

Полный облом...

Поначалу Эдик даже испугался. Да нет же! Не может быть! Должен же он чего-нибудь *этого* хотеть! Ужасного! Непременно! У каждого такое есть, чтоб как засандаить — так чтоб у всех мозги размагнитились!

Неужели он так опозорится перед рогатым, не заставит его повкалывать? Можно нарочно приколоться: мол, ну-ка, парень, рули туда-то и сделай то-то...

«Желаю!.. — твердо произнес в душе Оладьин. — Желаю... чего?»

И вдруг он сказал — так просто и неожиданно для самого себя:

— Послушайте, э... как вас там... а слабо будет дождичек прекратить? Без всяких этих штучек с душой, сами понимаете... Уж больно сырость достала!

Дьявол вздрогнул и изумленно посмотрел на Оладьина. Он уже заранее заскучал, предчувствуя вечные, надоевшие просьбы: внушить любовь дочери генерала, погасить карточный долг, сделать начальником областного БХСС, наконец.

«Да не издевается ли он?!» — мелькнула мысль.

Но Оладьин смотрел на дьявола совершенно честно.

— Прекратить дождь? — нечистый пожал плечом. — Ну, если так угодно...

В ту же секунду, словно подавившись, оборвался на середине удар грома, стало тихо-тихо (только вода капала с крыш) — и вдруг сквозь разорванные тучи в мир прорвалось солнце!

Город весь осветился и вспыхнул под лучами; заблестели стены, заиграли промытые дождем стекла.

— Радуга, радуга! — заорали на улице мальчишки.

Губы у Эдика расползлись в тщеславной улыбке.

Дьявол сидел на протянувшей грязные ножки плите, будто слегка обалдевший.

— И... больше никаких просьб не будет? — нахмурившись, спросил он.

Эдик покачал головой.

— Не будет. Спасибо большое, гражданин.

Почесав за правым рогом, дьявол встал.

— Что ж, тогда до встречи.

— Чао, — ответил Эдик.

Они пожали друг другу руки и расстались. Нечистый вышел в окно, а Эдуард Оладьин — в обитую жестью дверь.